

УДК 39+93/94

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/158-179

Научная статья

© И. А. Субботина

**ПОД ДРУГИМ ИМЕНЕМ...
(О ГАГАУЗАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)**

В статье сделана попытка определить временные рамки появления на Северном Кавказе — в Кубанской и Терской обл. — гагаузов из Бессарабии и Приазовья, в настоящее время проживающих в Моздокском районе Северной Осетии — Алании и Прохладненском районе Кабардино-Балкарии. В Малой Кабарде гагаузы появились под именем болгары. Из истории переселения гагаузов и болгар с Балканского полуострова в южные районы Бессарабии, в Буджак, во второй половине XVIII — начале XIX вв. в числе задунайских переселенцев, известно, что зачастую все переселенцы по документам того времени «проходили» под общим названием «болгары». Переселение отдельных групп гагаузов из Буджака в Приазовье, на Северный Кавказ, в Казахстан, Узбекистан, т. е. отрыв от этнического «материка», произошел раньше, чем у гагаузов Бессарабии началось развитие процессов этнического самоопределения, осознания себя гагаузами. Самоназвание болгары сохраняется у значительного числа гагаузов КБР и РСО-А до настоящего времени. Определенная часть гагаузов, еще помнящих свой родной язык, называют его болгарским.

В работе определены места исхода предков гагаузов на Северный Кавказ, дается картина этнодемографической динамики, межэтнической брачности гагаузского населения одной из крупных станиц Кабардино-Балкарии — Екатериноградской. В основу статьи положены материалы переписей населения России, данные Государственных архивов Кабардино-Балкарии, Северной Осетии–Алании, Республики Молдова, материалы похозяйственных книг станицы Екатериноградской (КБР) за 1940–2000-е годы и данные этнодемографических исследований автора, проведенных среди гагаузов с. Сухотское, Н. Малгобек и Екатериноградская.

Ключевые слова: гагаузы, болгары, миграция, Бессарабия, Приазовье, Северный Кавказ, этническая идентичность, родной язык, межэтнические браки.

Ссылка при цитировании: Субботина И. А. Под другим именем... (О гагаузах Северного Кавказа) // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 158–179.

Субботина Ирина Алексеевна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: irinalsu@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-6559>

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

UDC 39+93/94

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/158-179

Original Article

© Irina A. Subbotina

UNDER A DIFFERENT NAME... THE GAGAUZ OF THE NORTH CAUCASUS

The article attempts to define timeframes for the appearance of the Gagauz from Bessarabia and the Azov Sea Region in the North Caucasus, more precisely in Kuban and Tersk regions. At the moment these Gagauz live in Mozdok region of North Ossetia — Alania and in Prokhladnensk district of Kabardino-Balkaria. The Gagauz first appeared in Malaya Kabarda under the name of Bulgarians. The history of Gagauz and Bulgarian relocation from the Balkan peninsula to the southern regions of Bessarabia, Budzhak, in the second half of the 18th — the beginning of the 19th century among Transdanubian emigrants, tells us that most of the time all emigrants were officially registered in documents under the common title of “Bulgarians”. Relocation of some groups from Budzhak to the Azov Sea region, the North Caucasus, Kazakhstan and Uzbekistan, i. e. their separation from their ethnic “mainland” had taken place earlier than the Gagauz from Bessarabia started to develop their ethnic self-identity and realize they were the Gagauz. Their self-name as Bulgarians is preserved among a great number of Gagauz people in Kabardino-Balkaria and North Ossetia-Alania until today. A certain part of the Gagauz, who still remember their mother tongue, call it Bulgarian.

The study identifies places from where the Gagauz ancestors emigrated to the North Caucasus, gives a detailed picture of the ethno-demographic dynamics, interethnic marriages of the Gagauz population in one of the big stanitsas of Kabardino-Balkaria — Stanitsa Ekaterinogradskaya. It is based on the materials from Russian population censuses, data from state archives of Kabardino-Balkaria, North Ossetia — Alania, Republic of Moldova, materials of rural household registers from Stanitsa Ekaterinogradskaya (Kabardino-Balkaria) in 1940–2000s and data from ethno-demographic studies carried out by the author among the Gagauz in stanitsas Sukhotskoe, Nizhniy Malgobek and Ekaterinogradskaya.

Keywords: *The Gagauz, Bulgarians, migration, Bessarabia, the Azov Sea region, the North Caucasus, ethnic identity, mother tongue, interethnic marriages.*

Author Info: **Subbotina, Irina A.** — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: irinalsu@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-6559>

For citation: Subbotina, I. A. 2022. Under a Different Name... The Gagauz of the North Caucasus. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 158–179.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Гагаузы — православный тюркоязычный народ. Основная масса гагаузского населения проживает в настоящее время в Буджаке — южной степной части Пруто-Днестровского междуречья, разделенной между двумя государствами — Молдавией и Украиной. Значительное число гагаузов живет в России, небольшие их группы проживают сейчас в Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Туркмении, Узбекистане. В значительной степени ассимилированные другими народами гагаузы живут также в Болгарии, Румынии, Греции, Турции, Бразилии. Общая численность гагаузов в мире неизвестна. По некоторым оценкам гагаузских историков, она превышает миллион человек. По последним статистическим данным переписей населения начала XXI в. на постсоветском пространстве число гагаузов достигает 200 тыс. человек, из них в Республике Молдова — 148 тыс. человек, на Украине — 32 тыс. человек, в России — 12 тыс. человек.

* * *

Проблемы диаспоральных групп того или иного народа, оказавшихся за пределами основного этнического ядра расселения, чье развитие детерминировалось рядом иных факторов, нежели те, что влияли на формирование этноса на основной исторической территории, всегда интересовали этнологов, как и вопросы первоначального расселения тех или других народов, пути их дальнейшей миграции, время, причины и цели их появления в иных землях, процессы адаптации к новым условиям жизни, динамика численности этих групп, ассимиляция или интеграция в новое сообщество.

Ряд статей автора (*Субботина* 2006: 232–245; *Субботина* 2009: 386–402 и др.) ранее уже был посвящен одной из таких групп — гагаузам Северного Кавказа. Первой задачей нашего исследования, целенаправленно решить которую до нас никто не пытался, было намерение определить исторический период появления гагаузов в тех регионах Северного Кавказа, где они живут и по сей день — в Прохладненском и Майском районах Кабардино-Балкарии и Моздокском районе Республики Северная Осетия–Алания, в прошлом составлявших часть территории Малой Кабарды.

Сложность поисков заключалась в том, что диаспоральные группы гагаузов, живущих в Казахстане, Узбекистане, Приазовье, на Северном Кавказе, откололись от «гагаузского материка», расположенного в районе Буджака, достаточно давно — в конце XIX — начале XX вв. Из истории переселения гагаузов и болгар с Балканского полуострова в южные районы Бессарабии, в Буджак, во второй половине XVIII — начале XIX вв. в числе задунайских переселенцев, известно, что зачастую все переселенцы по документам того времени «проходили» под общим названием «болгары». Самоназвание «болгары» долгое время сохранялось (сохраняется и поныне) у гагаузов в тех регионах, где они проживали сравнительно малочисленными, изолированными от основного этнического ядра гагаузов Бессарабии группами как, например, в Приазовье, некоторых районах Казахстана, что подтверждается исследованиями Л. С. Чимпоеш (*Чимпоеш* 2016), А. С. Аманжолова (*Аманжолов* 1964), И. Ф. Грека (*Грек* 2019, 2020). Большое значение имело то обстоятельство, что переселения гагаузов на названные территории, т. е. отрыв этой группы гагаузов от этнического «материка», произошел раньше, чем у гагаузов Бессарабии началось развитие процессов этнического самоопределения, которое происходило, по оценкам историков и этнологов, довольно продолжительное время — в последней трети

XIX — первой половине XX вв. (Грек 2019). «Поскольку основная масса тюркоязычных выходцев из-за Дуная продолжала идентифицировать себя как *болгар*, это стало главной причиной почти столетней продолжительности заключительного этапа становления гагаузской этничности в Буджаке» (Грек 2019). Правда, некоторые исследователи писали о так называемой двойной идентичности гагаузов (Губогло 2006: 206–231; Квилинкова 2006: 264–283; 2011: 126–139; Грек 2007: 260–264), когда в одно и то же историческое время тюркоязычные православные идентифицировали себя и как *болгары*, и как *гагаузы* (Квилинкова 2011: 126). Позиция И. Ф. Грека, занимающегося проблемами этногенеза гагаузов в последние два десятилетия, сводится к следующему: тюркоязычное православное население называло себя на Балканах *болгарами*, *истинными болгарами*, и с этим самоназванием оно переселилось в Буджак. Процесс осознания себя не *болгарами*, а *гагаузами* был не одномоментным, а поэтапным, который можно было обозначить формулой: *болгары* — *болгары-гагаузы* — *гагаузы-болгары* — *гагаузы*, т. е. двойная идентичность наблюдалась лишь на переходных этапах (*болгары-гагаузы*, *гагаузы-болгары*). Двойной идентичности не было, когда они называли себя *болгарами* и когда признали себя *гагаузами* (Грек 2019, 2020).

Однако этот процесс имел место только в Буджаке. То тюркоязычное православное население, которое в силу различных геополитических (эмиграция 1860–1861 гг. в Приазовье) и социально-экономических причин конца XIX — начала XX в. (миграция на Северный Кавказ, в Казахстан, Узбекистан) покидало буджакские села, продолжало называть себя все еще по-старому, как правило, *болгарами* (Грек 2019).

По всем архивным документам конца XIX — начала XX вв., по данным Переселенческих комитетов Российской империи, по личным документам переселенцев, а в советское время по паспортам, данным переписей населения СССР, сведениям похозяйственных книг сельских поселений (ибо в большинстве своем они были сельскими жителями), гагаузы Казахстана, Узбекистана, Приазовья числились как болгары, и под этим именем продолжают жить в настоящее время, передавая его своим потомкам, называя свой родной гагаузский язык болгарским (иногда турецким). Но об этом несколько позже.

Итак, время появления гагаузов на территории Северного Кавказа немногочисленные исследователи относят к началу или к 20–30-м годам XX столетия. Так, Дж. Н. Коков, известный филолог, историк Кабардино-Балкарии, в своей книге «Адыгская (черкесская) топонимия» пишет: «Булгъар (Булгар) — кабардинское, неофициальное название населенных пунктов Малгобек (Малый), Сухотское, Раздольное, Виноградное (на севере СО АССР), Екатериноградская, Приближная, Пролетарка и др. (КБАССР) и их **гагаузского** (выделено мной — И. С.) населения. Религия гагаузов — православная, язык — тюркский. На Кавказ гагаузы (их здесь называют туканами¹) приехали **в начале нашего (XX – И. С.) столетия** из Бессарабии» (Коков 1974: 156–157).

В следующей книге «Адыгские этнонимы» Дж. Н. Коков пишет: «Булгъар — этноним адыгам известен для двух весьма отдаленных друг от друга хронологических

¹ Туканы — гагаузский этноним, обозначающий болгар, живущих в Молдавии (Гагаузско-русско-молдавский словарь 1973: 477). Кроме того, туканы, наряду с гаджалами, читаками, урумами, булгарами, «фиксируются у гагаузов и как общие микроэтнонимы (генеонимы), спорадически встречающиеся в различных группах этноса» (Шабашов 2002: 404).

рамок: 1) древние булгары на Северном Кавказе появились двумя переселенческими волнами — не позже IV века (из Нижнего Поволжья) и во второй половине VII века. Отголосками этого периода является, видимо, этноним *бэ́лькьэ́р* (см. фамилия *Белькьэ́р (Балкар-ов)*; 2) в речи современных кабардинцев (сел. Нижний Курп и др.) — название жителей сел. Малгобек, Сухотское, Виноградное, Раздольное (в СОАССР), а также Екатериноградская, Приближная, Пролетарка и др. (в КБАССР), которые себя называют *гагаузами*. Их же на Кавказе называют туканами. Язык — тюркский, религия — православная. Выселились **из Бессарабии в начале XX в.**» (выделено мной — И. С.). (Коков 1979: 47).

Не соглашаясь с Дж. Н. Коковым, А. А. Максидов отмечает, что **уже в 1825 г.** «по „Ведомости исчисления кабардинского народа“ Я. Шарданова в „...Ауле узденя 1-й степени Темрюки Хапцева на реке Тереке жившего, жили: уздень 3-й степени Исмаил Булгаров» и его дети. Итак, Исмаил Булгаров является известным родоначальником Булгаровых (Белгаровых) из аула Хапцей...“» (Максидов б/г). Доказывая, что род Булгаровых (Белгаровых) ведет свое начало в Кабардино-Балкарии еще с первой четверти XIX в. и имеет отношение к гагаузам, Максидов не принимает во внимание тот факт, что гагаузы — православные христиане и не могут носить имен Исмаил, Хажумар, Заурбек и т. п.

Пытаясь уточнить временные рамки появления гагаузов в означенных краях, районы их исхода, выявить возможных миграционных спутников гагаузов, автор обратился к материалам Государственного архива Кабардино-Балкарской Республики, Государственного архива Республики Северная Осетия — Алания и Национального архива Республики Молдова. Небольшая часть этих материалов представлена в данной статье.

Когда же появились гагаузы на Северном Кавказе и откуда они пришли? По всей вероятности, не в начале XX в., не в 1920–1930-е гг., а в последней четверти XIX в., точнее, в 1870–1880-е годы. Период после отмены крепостного права в России следует считать временем начала миграционных перемещений гагаузов на Северный Кавказ. После официальной отмены крепостного права в 1861 г., на национальных окраинах России феодальные отношения сохранялись еще несколько лет. К числу таких окраин относился и Северный Кавказ. Царские власти приступили к реформе крепостного права в Терской области (в которую входила в этот период Малая Кабарда) лишь во второй половине 1860-х годов. Именно с отменой в России крепостного права и развитием капиталистических отношений связано начало масштабного крестьянского переселенческого движения, в том числе и на Северный Кавказ, первая волна которого приходится на 1860–1870-е гг.

Для поощрения переселенческого движения на Северный Кавказ российская администрация приняла ряд юридических документов, в частности, «Положение о заселении», «Постановление о праве раздачи частным лицам свободных казенных земель в Терской и Дагестанской областях и праве гражданских и военных лиц приобретать в собственность земли, принадлежавшие горцам Северного Кавказа», Правила о преобразовании общинного управления бывших государственных крестьян (1862 и 1868 гг.), согласно которым крестьяне получали право приобретать в собственность земли в Терской и Кубанской областях (Материалы по истории управления... 1902: 281).

В 1860–1870-е годы в Кабарду переселилось незначительное число крестьян, и главным образом это были жители центральных и украинских губерний России

(*Месяц* 1928: 12; *Бабич, Степанов* 2009: 26). Переселенцы из российских губерний преимущественно селились в тех районах Кабарды, которые уже ранее были освоены и в которых располагались крупные казачьи станицы, возникшие еще в 1770–1790-е годы, в период «военной колонизации» как военные укрепления «Кавказской линии», т. е. на территории современного Прохладненского и Майского районов Кабардино-Балкарии и Моздокского района Северной Осетии (в прошлом части Малой Кабарды): это станицы Прохладненская, Приближная, Солдатская, Екатериноградская и др.

Постановлением от 20 августа 1863 г. Российская администрация установила в Кабарде новый порядок: было введено общинное право владения землей для большинства населения и частная собственность для привилегированных сословий» (*Кумыков* 1957: 261–264). Лица, получившие землю в частную собственность, имели право сдавать свои земельные участки в аренду, осуществлять бессрочную закладку под ссуду или продавать. Сначала пришлые крестьяне пользовались земельными участками на правах аренды, позднее началась массовая продажа земли, принадлежавшей привилегированным сословиям Кабарды. В 1870–1880-е гг. «на территории Кабардино-Балкарии ... сосуществовали крупные кабардинские селения и малодворные хутора, населенные русскими, осетинами, ингушами, немцами, греками и др.» (*Мамбетов* 1971: 71, 81; *Бабич, Степанов* 2009: 29).

В 1880-е гг. российская администрация приняла дополнительные постановления, связанные с крестьянским освоением Северного Кавказа: Положение Комитета министров о временных правилах по устройству переселения на казенные земли (1881 г.) и Закон о переселении крестьян (1889 г.), которые создали благоприятную почву для увеличения миграционных потоков». В 1882 г. для посреднических дел по покупке и продаже земли был образован Крестьянский поземельный банк (*Бабич, Степанов* 2009: 28–29).

Вторая волна заселения Северного Кавказа крестьянами различных губерний России относится к началу 1890-х гг. Важной причиной была земельная реформа, создавшая дополнительные льготные условия для переселенцев, в частности, крестьяне получили право выходить из общины на хутора и закреплять наделы в личную собственность с правом их продажи (*Бабич, Степанов* 2009: 31).

С отменой крепостного права в России совпали по времени процессы миграционного оттока значительной части населения Северного Кавказа в Турцию (т. н. мухаджирство), что привело к тому, что многие районы этой территории опустели. «В конце 50-х — середине 60-х гг. XIX в. территорию Северного Кавказа покинуло около 500 тыс. коренных жителей этого региона» (*Кабузан* 1996: 94), в основном адыгов, ногайцев, кумыков и чеченцев. Это было связано с результатами Крымской войны. Мусульманские жители Кавказа и Таврической области рассчитывали, что населенные в основном ими земли отойдут от России, либо получив независимость, либо будучи включены в состав Турции. Когда эти надежды не оправдались, жители Кавказа и Тавриды под воздействием турецкой агитации заявили о своем желании эмигрировать в Турцию. Эти процессы в сочетании с крестьянской реформой и почти одновременно проводившейся земельной реформой привели к активизации внутрироссийских миграций и устойчивому миграционному притоку населения, обеспечившему быструю колонизацию вновь присоединенных к России районов. За 1870-е годы в регион прибыло почти 350 тыс. человек, а за два последних десяти-

летия XIX в. на Северный Кавказ переселилось почти 760 тыс. человек (*Белозеров* 2005: 34–35). Бессарабия же в конце XIX в. оказалась в числе регионов страны с явным аграрным перенаселением, и сама начала поставлять партии мигрантов (*Аниупов* 1996: 51) другим районам России, в т. ч. и Северному Кавказу. Наличие огромных массивов свободных плодородных земель этого края стало главным фактором притяжения, основным привлекательным моментом для крестьянского гагаузского населения, к тому времени уже страдавшего от малоземелья, послужив серьезным выталкивающим фактором, наряду с лишением гагаузов и болгар юридического статуса колонистов по реформе 1871 г. в Бессарабской области, введением для гагаузов и болгар воинской повинности (1874 г.) и др. (*Ангели* 2007: 338–339).

История появления на Северном Кавказе поселений, в которых в настоящее время живут гагаузы, различна. Но прежде чем говорить о первых этапах этой истории, необходимо кратко остановиться на характеристике, в том числе этнической и языковой, того небольшого региона Северного Кавказа, в который переселялись гагаузы Бессарабии, Таврической губернии и где они живут по сей день. Малая Кабарда, а именно так называлась территория, о которой идет речь, «Таусултановские земли», ограниченные Терекон, Курпом и осетинским сел. Эльхотово, в отличие от Большой Кабарды, в XIX веке характеризовалась пестрым этническим составом населения. В 1859 г. она состояла «из 1060 дворов малокабардинцев, до 150 дворов осетин — магометан и христиан, 225 дворов чеченцев и до 450 дворов кумык» (ЦГА КБР 2), т. е. в Малой Кабарде «проживало немногим более 11300 человек, в том числе приблизительно 6400 кабардинцев» (*Бейтуганов* 2007: 55), что составляло лишь около 57% жителей, а значительная доля в ее населении падала **на тюркоязычных кумыков**.

Население Малой Кабарды было чрезвычайно подвижно. Аулы перемещались с одного места на другое, мельчали, укрупнялись, и к 1865 г. эта территория была занята лишь 15 малокабардинскими селениями: по р. Тереку — 4 селения (Булатова, Борокова, Кохужева, Эльтухова), на р. Дее — 5 селений (Муртазова, Безрокова, Куннижева, Муртазова и Боташева), на р. Акбаш — сел. Боташево, на р. Курпе на левой стороне — сел. Исламова, Ахлова, Индарова, Хапцева и на склонах горы Заманкул — сел. Астемирова. Кроме кабардинцев, на Таусултановских землях находилось шесть осетинских селений, известных под названием куянских осетин, с 915 жителями (*Волкова* 1974: 225).

Другая часть земель Малой Кабарды находилась к этому времени во владении князя Бекович-Черкасского. Этнический состав населения в селениях, располагавшихся на землях князя Бекович-Черкасского, также был разнообразен. Здесь жили кабардинцы, осетины, чеченцы, кумыки, карабулаки, ингуши (*Волкова* 1974: 225). Некоторые исследователи считают, что «Малая Кабарда была полиэтничной областью при ведущей роли кумыкского кабардинского князя Бекович-Черкасского и его кумыкских узденей. Кроме того, известный малокабардинский князь Ахлов имел ногайское происхождение, а кумыкско-ногайские уздени и были владельцами малых малокабардинских аулов», и вернее было бы назвать Малую Кабарду **тюркской** (кумыкско-ногайской) областью, а не адыгской» (*Салтагаров* 2018). Таким образом, присутствие в этих краях близких гагаузам по языку тюркоязычных кумыков и ногайцев (а еще в 1799 г. ордынские ногайцы занимали урочище Ачикулак Моздокского уезда (*Кипкеева* 2007: 22), а позднее оседлые ногайцы жили в селениях

этой территории) делало выбор этого района Северного Кавказа для гагаузов более привлекательным, чем какой-либо иной.

Но мы говорим о православных гагаузах, для которых переселение в земли, населенные иноязычным и, главным образом, мусульманским населением, было бы довольно сложным и малокомфортным. Районы же Северного Кавказа, в которых и сейчас живут гагаузы, это те районы Малой Кабарды, где было значительным присутствие православного населения. Прежде всего, это, конечно же, русское население казачьих станиц, образованных еще в XVIII веке, а также православные кабардинцы, жившие в районе Моздока. Помимо русских, украинцев, православных кабардинцев, в Малой Кабарде проживали и православные осетины.

В последние три десятилетия XIX в. и в начале XX в. на Северном Кавказе еще более усилились начавшиеся ранее переселения в этот край различных народов. В основном эти миграции направлялись в Кубанскую область и Черноморский округ и меньше — в Терскую область, куда входила Малая Кабарда. «Так возникают в 1860-х годах греческие селения Карамлык и Негута в Пятигорском уезде и Ха-саут в Баталпашинском отделе Кубанской области, эстонские поселения Марухо-Эстонское, Хусы-Кардоникское и Ливонское на правобережье Урупа, чешские селения в Черноморском округе и Темрюкском уезде Кубанской волости др. Значительным по своим масштабам в 1880–1890-х годах было также переселенческое движение русских и украинских крестьян из центральных и южных губерний России, направлявшееся преимущественно в Кубанскую область» (Волкова 1974: 244–245).

Какие источники информации донесли до гагаузов сведения о пустующих землях Северного Кавказа, так необходимых им для пропитания и обеспечения своего воспроизводства? Мы осмелимся высказать здесь предположение, что этим первым информационным источником могли стать ногайцы, ногайские мухаджиры, ушедшие в конце 1850-х — начале 1860-х гг. из населенных ими районов Ставрополя, Кубани, Терской области, в том числе и Малой Кабарды. Начало эмиграции ногайцев Северного Кавказа положили ногайцы Ставропольской губернии. В 1859 г. они в числе 12397 ревизских душ обоего пола получили разрешение на переселение в Турцию. Маршрут им был намечен через Землю Войска Донского, Таврическую, Екатеринославскую, Херсонскую и Бессарабскую губернии. В конце 1859 г. они в числе 16 тыс. чел. обоего пола остановились на зимовку в Бердянском и Мелитопольском уездах Таврической губернии, где увлекли за собой ногайцев Таврической губернии. В 1860 г. они перешли русскую границу и были расселены в Турецкой Добрудже» (Кабузан 1996: 94).

Часть ногайцев Северного Кавказа, не мигрировавшая в Турцию, еще до 1865 года с просроченными паспортами находилась в Бердянском и Мелитопольском уездах Таврической губернии. Небольшому числу ногайцев «удалось возвратиться в Россию (из Турции) и устроиться по-старому. В 1863 г. прибыло в Тифлис и Бердянск 64 семейства ногайцев, а в 1864 г. — через Керчь еще 46 семейств» (Сергеев 1912: 10). Именно в Бердянском и Мелитопольском уездах Таврической губернии, в Приазовье, в 1861–1862 гг. появились гагаузы и болгары, переселившиеся в эти края, наряду с греками, армянами, из Таврической губернии, Бессарабии и из-за Дуная. «Оставленные ногайцами земли Мелитопольского и Бердянского уездов, представлявшие самые благодатные места для поселения, были в самое непродолжительное время заняты новыми поселенцами, местность им понравилась, и они здесь утвердились,

тем более что земли эти были казенными и представляли полную гарантию, что поселенцев отсюда уже никто не тронет. После ногайцев осталось здесь всего 270 000 дес. свободной земли. Она занята была переселенцами из малорусских и внутренних губерний, выходцами из-за Дуная и частью болгарами» (Сергеев 1912: 11). Именно здесь, в Приазовье, судьба свела гагаузов с ногайцами Северного Кавказа.

Как писали исследователи XIX в., «в 1860–1861 гг. под поселение выходцев из-за Дуная были назначены все казенные земли Таврической губернии... Болгары (и гагаузы) были поселены по преимуществу в Бердянском уезде, где они образовали целых 4 волости, и в 5 селениях Мелитопольского уезда...». «...В высшей степени неудачны были первые попытки болгар устроиться... Неурожаи 1862–1865 гг. и неумение приспособиться к местным условиям разорили переселенцев; начались «переходы» с места на место; многие порывались на Кавказ...». «... К началу 1866 г. положение дела было самое безотрадное, если не безнадежное; почти все переселенцы приготовились двигаться далее на Кубань», «часть переселенцев перебралась в Бердянский уезд, другие же разбрелись по разным селениям...» «...По окончании войны 1877–78 гг., когда Измаильский округ был возвращен России, стремление возвратиться на родину снова охватило болгар. Так, все поселяне с Болград и с Волканешты Мелитопольского уезда, с Ново-Царицыно и с Райново Бердянского уезда распродали свои земли и имущество и ушли на родину; примеру их последовали многие болгары селений Дмитровки, Александровки и Терновки. Они переселились с надеждой получить на родине новые надельные и новые льготы. Расчет их оказался неверным и многие снова вернулись в Таврическую губернию, но уже в качестве безземельных» (Сборник статистических сведений по Таврической губернии 1889: 9–11). Болгары и гагаузы, называвшие себя болгарами, вынуждены были наниматься батраками, мигрировать дальше на Кубань, в Терскую область, продолжая неоднократные переселения, осуществляя своеобразный транзит.

Но не только Приазовье могло послужить перекрестьем миграционных путей гагаузов и ногайцев. Уходя с Северного Кавказа в Турцию, ногайцы двигались разными путями, один из которых проходил через Бессарабию. Часть ногайцев, как известно, задержалась в Бессарабии и, не продолжив своего движения в Турцию, возвратилась на Северный Кавказ. Где, как не в районах бывших ногайских кочевий в Буджаке, уже заселенных на тот момент гагаузами, могли задержаться ногайцы и не от тюркоязычных ли ногайцев узнали тюркоязычные гагаузы о свободных плодородных землях Северного Кавказа? Можно высказать предположение, что отдельные, наиболее отважные и предприимчивые гагаузы могли добраться до районов Северного Кавказа вместе с вернувшимися назад, не ушедшими в Турцию ногайцами или, ориентируясь на их рассказы, попытались позднее совершить самостоятельные, «разведочные» миграции, а затем принять участие в движении ходоков, направлявшихся для выбора земельных участков в новых краях, что открывало со временем возможности более масштабных миграционных переселений гагаузов.

Можно предположить, что гагаузы (и болгары) не только Бессарабии, но и Приазовья, не удовлетворенные своими жизненными условиями в новых местах, перемещались на Северный Кавказ, выбрав миграционные пути в Кубанские земли и дальше, в Терскую область. Терская область позднее других областей Северного Кавказа привлекала к себе внимание переселенцев, что было обусловлено как недостаточным колониционным земельным фондом, так и «казачьим ее прошлым,

когда оседание иногородних переселенцев на казачьих землях было возможным лишь на правах аренды» (Кашежева 1980: 66). Более раннее поселение гагаузов и болгар в русских и украинских казачьих станицах края могло быть лишь единственным, ибо массовое расселение здесь было затруднено, ввиду невозможности получения (покупки) земельных наделов пришлым населением, не относящимся к казачьему сословию. И только с 1869 г. было получено разрешение «поселяться в станицах «иногородним», без приписки к войсковому сословию» (Максимов 1890: 34). Низкие арендные ставки на землю в Терской области особенно привлекали переселенцев.

Процесс колонизации здесь шел в значительной степени за счет частновладельческих земель. «Из 128234 десятин помещичьей земли пришлым населением было куплено почти 70% (Кашежева 1980: 70), т. к. в 1870–1880-е гг. цены на покупку земли в Терской области были значительно ниже, чем в соседних Кубанской, Ставропольской областях. С 1880-х годов, особенно со строительством железной дороги из Ростова на Дону во Владикавказ (1875 г.) процессы переселения в Терскую область значительно усилились.

В 1865 г. происходит административное разделение Малой Кабарды на две части — в западную селяются кабардинские аулы, а в восточной (включая выкупленные в казну земли князя Бекович-Черкасского) размещаются другие группы горского и «иногороднего» населения». Именно в этом районе Малой Кабарды, на реке Курп, недалеко от кабардинского аула Ахлово, в 1890 г. был образован хутор **Василенко**, который, по данным Терского календаря на 1901 год, насчитывал 45 дворов, 231 душу обоего пола, население которого составляли «болгары», а возле селения Хапцево — хутор **Сухоцкий** (1899 г.), насчитывавший 35 дворов, 170 человек, в основном «болгар» (Терский календарь 1900: 38, 164).

Пришлое крестьянское население иногда приписывалось к уже существующим селениям, но чаще поселялось на хуторах. В свое время известный российский статистик И. В. Бентковский, объясняя предпочтительное расселение крестьян на хуторах, писал: «Тяжести, выпадавшие на долю селений, в смысле отбывания повинностей, толкали многих к уходу из села, и вот в пределах сельского юрта возникали хутора и кочевки. Удалявшиеся на хутор и в отношении земельном пользовались большими удобствами, и хозяйства их ширились». «Прибывающие в область иногородние, иногда целыми десятками семейств, селятся хуторами на владельческих или общественных землях» (Бентковский 1870: 46).

Административное оформление тех или иных населенных пунктов в тот период происходило зачастую спустя многие годы после фактического их образования, и отмеченная в Терском Календаре дата образования хутора Василенко (1890 г.), хутора Сухоцкий (1899 г.), их «болгарского» населения могла не отражать времени фактического, возможно, более раннего поселения здесь гагаузов и болгар.

Из Рапорта Атамана Сунженского отдела Терской области Начальнику Терской области Наказному атаману Терского казачьего войска от 8 января 1902 г. также известно, что хутора, расположенные по р. Курпу, «тянутся от сел. Ахлово до реки Терики на расстоянии около 15–17 верст; всех хуторов пятнадцать; на них живет 293 двора, из них мужского пола 779 и женского 652; по национальности русских и болгар 287 дворов, из них мужского пола 761 и женского 642 души; немцев 4 двора, из них мужского пола 9 и женского 5; осетин 2 двора, из них мужского пола 9

и женского 5 душ; из этих хуторов 12 находятся в ведении сел. Ахлова и 3 в ведении сел. Хапцева», ... «большой из хуторов — Василенкова, где 52 двора» (ГАРСО 11).

Очевидно, гагаузы (и болгары) вначале арендовали земли, на которых были образованы хутора, но позднее, после создания Крестьянского поземельного банка, смогли эти земли выкупить.

В материалах государственного архива Республики Северная Осетия нами был обнаружен список «Болгарского товарищества», состоявшего из 32 домохозяйств, члены которого приобрели при содействии Крестьянского банка у Аккерманских мещан Захара Иванова и Ивана Алексева Василенки 450 десятин земли, «состоящей в Терской области Сунженского отдела в юрте Ахловского селения при реке Курп. (1901 г.) (ГАРСО 11). Из этого списка становятся известными не только фамилии и имена членов этого товарищества, но и районы их исхода в Кабарду.

Указанные в списке так называемого «Болгарского» товарищества фамилии (тюркская основа фамилии, с характерными окончаниями на «оглу», а также с аффиксами «джи»// «джы», «чи»// «чы», «ли»// «лы») давали возможность сделать предварительный вывод, что не все числившиеся в этих селениях болгарами были таковыми: по крайней мере, часть этих жителей могла быть гагаузами. Кроме того, из списка «Болгарского» товарищества стало известно, что районами выхода переселенцев в Кабарду являлись как Бессарабская, так и Таврическая губерния, Приазовье (см. подробнее *Субботина 2006: 395–396*).

Состав поселенцев не оставался неизменным: одни уезжали на новые земли, другие возвращались на прежние места жительства, а навстречу им двигался поток мигрантов из Бессарабии, искавших на Северном Кавказе «лучшей доли». В фондах Национального архива Республики Молдова нами обнаружено прошение «поселян (гагаузского — И. С.) села Татар-Копчак Аккерманского уезда Кубейской волости, в числе 42 душ» на имя Бессарабского губернатора, датированное 22 февраля 1893 г., следующего содержания:

«В нашем селе, Татар-Копчак, размер надельной земли с течением времени все более и более уменьшаясь, по мере быстрого возрастания населения, дошел в настоящее время до 1 ½ десятины на душу: такой незначительный размер надела вынуждал нас сеять на одном и том же месте один род хлеба без оставления поля в залежи, отчего почва до того истощилась, что в последние годы всходил один дикий овес, совершенно заглушавший посеянные озимые и яровые хлеба: такие неурожаи, повторявшиеся в последние 2–3 года подряд, а также отсутствие вблизи где-либо посторонних заработков, положительно нас подкосили и привели нас к совершенному разорению. В виду этого и не имея возможности здесь долее приобретать средства к существованию: ни земледелием на таком незначительном клочке земли, ни посторонними работками, мы нижеподписавшиеся в количестве 42 семейств имеем честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о разрешении нам выехать на своих лошадях в апреле месяце этого года на годовой срок в Кубанскую область недалеко от города Екатеринодара, где мы надеемся заарендовавши землю, заниматься земледелием и где **давно уже проживают** (выделено нами — И. С.) несколько семейств из наших мест» (НА РМ 8).

Эти документы косвенно подтверждают, что и в Кубанской области Северного Кавказа задолго до 1890-х годов уже проживали гагаузы и болгары Приазовья и Бессарабии.

Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. дают очень богатый материал о расселении народов по территории страны. Трудность использования этих материалов для получения представления о расселении болгар и гагаузов в конце XIX века на Северном Кавказе, в Кубанской и Терской областях (в остальных областях и губерниях Северного Кавказа показатели очень незначительны), заключалась в том, что в переписи не было признака «национальность», вместо него фиксировался признак «родной язык». Носителями болгарского языка могли быть не только этнические болгары, но и часть гагаузов, называвших себя болгарами, а свой родной язык — болгарским. Кроме того, гагаузы в большинстве своем называли свой родной язык турецким (*тюркча*), а носителями турецкого языка на Северном Кавказе были не только гагаузы. Если, скажем, в Бессарабской губернии абсолютное большинство носителей турецкого языка были гагаузами, то на Северном Кавказе необходимо было выделить среди тех, для кого турецкий язык был родным, лиц православного вероисповедания, так как гагаузы в своем абсолютном большинстве придерживались православия. Но и в этом случае нельзя было сказать, что все православные с родным турецким языком — это гагаузы: и в Кубанской, и в Терской областях в конце XIX в. проживали также православные греки-переселенцы с родным турецким языком (урумы). Необходимо заметить также, что часть гагаузов, переселяясь в пределы Российской империи, называла себя не только болгарами, но и греками. Все указанные обстоятельства значительно снижали значимость материалов переписи в определении точной численности гагаузов в означенных областях Северного Кавказа в конце XIX в.

Таблица 1

Перепись населения Российской империи 1897 года. Распределение населения по родному языку и вероисповеданию*

Названия областей и уездов	С болгарским языком	С турецким языком	
		Всего	В том числе православные и старообрядцы
Кубанская обл.	322	2187	1426
В том числе:			
<i>Кавказский отдел</i>	96	36	15
<i>Лабинский отдел</i>	86	93	53
<i>Майкопский отдел</i>	46	258	194
<i>Темрюкский отдел</i>	63	767	634
<i>Екатеринодарский отдел</i>	22	935	360
<i>Баталпаинский отдел</i>	3	20	-
<i>Ейский отдел</i>	11	78	72
Терская обл.	29	106	63

Составлено по: Перепись 1897. Кубанская обл; Перепись 1897. Терская обл.

Как показывают материалы переписи 1897 г. (Табл. 1), лиц с родным болгарским языком в Кубанской области было сравнительно немного — 322 чел., и они в основном населяли Кавказский, Лабинский и Темрюкский отделы области (Пер-

вая Всеобщая перепись населения 1897 г. Кубанская обл. 1905). Своих этнически компактных поселений на Кубани в XIX веке болгары не основали. Как отмечают исследователи, в этот период «в силу разных причин (малочисленность, **отсутствие культурной однородности** (выделено нами — И. С.) ... они не оформились в более или менее выраженную этническую общность» (Бондарь 2008: 71). Отмеченная учеными Кубани культурная неоднородность болгарских переселенцев могла быть связана с тем, что наряду с этническими болгарскими, в потоках болгарской миграции присутствовали и гагаузы.

Те же материалы переписи 1897 г. указывают на то, что в населении области православных жителей с родным турецким языком было в несколько раз больше, чем болгар — 1426 чел., и проживали они в большинстве своем в Екатеринодарском, Темрюкском и Майкопском отделах Кубанской обл. (Табл. 1). Поскольку в этих же районах проживало и греческое население, то можно предположить, что часть православных жителей, указавших родным языком турецкий, это не только греки-урумы, как предположил А. А. Киселев (Киселев, 1997: 77), но и гагаузы.

Если говорить о Терской области Северного Кавказа (Табл. 1), то в 1897 г. на ее территории проживало значительно меньшее число носителей болгарского языка (29 чел.) Отмеченная численность православного населения с родным турецким языком достигала 63 человек.

Дальнейшие архивные поиски привели автора к периоду 20–30-х годов XX в., в котором мы надеялись найти разгадку утверждения некоторых исследователей, что именно в это время на Северном Кавказе (в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии) появились гагаузы. В фондах государственного архива Кабардино-Балкарии, среди материалов местных органов государственной власти и государственного управления КБР был обнаружен привлечший наше внимание «Список граждан-болгар, фактически поселившихся в хуторе Малгобек (1925 г.)». Среди прочих материалов этого фонда было найдено «Заявление на имя Председателя Центрального исполнительного комитета Кабардино-Балкарской Горской республики от граждан бывших **Курпинских хуторов**: х. **Василенкова**, Индарова, Балкарова, Муртазова, Старого Пушкарева, и Нового Пушкарева, Юхневского, Инарокова и Фальшина № 1 **Хапцевского, Ахловского** и Исламовского Правления 1-го и 4-го участков Нальчикского округа Терской линии» (в 1925 году живших в селах Романовка, Прохладное и др. Кокпектинской волости Зайсанского уезда Семипалатинской губернии — И. С.) следующего содержания (здесь и далее в документах сохранена стилистика и орфография подлинных материалов):

«Настоящим доводим до Вашего сведения, что мы, жители выше названных хуторов, поселившиеся в **1899 г.**, приобрели упоминаемые участки через Крестьянский поземельный банк. Но в 1917 г. мы были выдворены восставшими горскими туземцами, действовавшими под руководством генерала Караулова. Но в настоящее время изъявляем желание возвратиться на прежнее место, ввиду восстановления соответствующего социалистического порядка.

На основании вышеизложенного просим Вашего распоряжения о получении положенных прав на наше переселение на старое место жительства.

Возбуждающих настоящее ходатайство в числе 43 семейств в составе 233 душ. Список их прилагается при сем же. 1925 г.» (ЦГА КБР Р-6).

Эта просьба о переселении была удовлетворена, и из бывших жителей х. Василенко и пр., вернувшихся из Казахстана в Кабардино-Балкарию, а также кабардинцев селения Н. Курпское, выразивших желание переселиться во вновь созданное национально-смешанное селение, в 1925 г. был образован новый поселок Малгобек (позднее названный Нижним Малгобеком). За первым ходатайством о возвращении из Казахстана «на свою родину» последовали и другие, но ввиду отсутствия свободных земель в Кабардино-Балкарии, на просьбы переселенцев были получены отказы.

Изучение списочного состава, так называемых, «болгар-переселенцев» (см. подробнее *Субботина* 2006: 240) бывшего хутора Василенко, позднее селения Малгобек, а затем и селения Сухотское (сейчас Северная Осетия–Алания) и сопоставление их фамилий со словарем гагаузских фамилий и прозвищ дало основание утверждать, что в числе болгар-переселенцев тех лет 80–90% могли составлять гагаузы.

Таким образом, приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что первоначально (вероятнее всего в 1870–1880-е гг.) гагаузы и болгары расселялись на территории Кубанской области Северного Кавказа, чуть позднее (в 1880-е годы) — в Терской области на образованных ими хуторах на территории, которая находилась в районе реки Нижний Курп, близ селения Ахлово и Хапцево (в настоящее время это территория Моздокского района Северной Осетии–Алании). Курпский район Кабардино-Балкарии отличался повышенной долей в населении тюркоязычного компонента. Даже в 1939 г. удельный вес кумыков в населении составлял 31,5%, в то время как доля кабардинцев достигала лишь 28,0% (ЭТНО-КАВКАЗ). Позднее началось расселение гагаузов и болгар из «Нижне-Курпского гнезда» в соседние казачьи станицы Малой Кабарды, входившие в Сунженский отдел Терской области (ныне территория Кабардино-Балкарии) — Прохладненскую, Приближную, Солдатскую, Екатериноградскую, в с. Виноградное (бывшая немецкая колония Гнаденбург) и др.

В начале XX в. взаимоотношения местного населения с пришлым были более спокойными и неконфликтными, поскольку «переселенцы занимали только выкупленные или арендованные земли, а не изъятые у местного населения». Постепенно в Кабардино-Балкарии возникла проблема малоземелья. Уже «в ноябре 1910 г. начальник (Нальчикского) округа Клижбиев посетил Курпские хутора, интересуясь отношением местного населения к хуторянам. Клижбиев порекомендовал хуторянам обороняться на случай нападения «грабителей», пообещав выдать оружие и патроны. Меры по самообороне хуторянам были необходимы в связи с тем, что надел земель (в эти годы уже — И. С.) проводился за счет урезки общинных земель, против чего решительно выступали местные крестьяне» (*Иванова* 2002: 75–76).

«К 1917 году в Терской области (куда в те годы входила и Малая Кабарда — И. С.) характерным было переплетение земельных, национальных, классовых, религиозных и сословных противоречий. Это создавало напряженную обстановку, которая еще более накалилась в первые месяцы после Октябрьской революции» (*Иванова* 2002: 76). Усилившаяся межнациональная напряженность, выражавшаяся в набегах горцев в 1917 г. на земли переселенцев из Бессарабии, Таврической губернии и нанесении урона хозяйствам, вынудила их переселиться в Семипалатинскую губернию, где в те годы было много свободных пахотных земель. Возможно, переселение га-

гаузов и болгар из Кабардино-Балкарии именно в Семипалатинскую губернию связано с тем, что в этих краях уже жили переселенцы из Бессарабии, выехавшие туда в первые десятилетия XX в. Но тяжелые климатические условия, невозможность заниматься привычными для южан видами сельскохозяйственной деятельности, а также изменение социально-политической обстановки в стране в целом и на Северном Кавказе, в частности, привели к тому, что недавние переселенцы (а прошло немногим более 5–8 лет) решили в 1925–1926 гг. возвратиться на прежнее место жительства, «на свою родину», т. е. на Северный Кавказ. И именно это возвращение гагаузов из Семипалатинской губернии в места их прежнего проживания в Малой Кабарде было, возможно, воспринято историками как первоначальное появление гагаузов в этих краях.

И. Ф. Грек, известный ученый Республики Молдова, к работам которого автор относится с большим вниманием, обвинил автора этой статьи в ошибочной методике определения численности гагаузов Северного Кавказа, опиравшейся лишь «на долю фамилий тюркского происхождения» среди переселенцев (Грек 2019: 320), так как некоторые этнические болгары также являются носителями подобных фамилий. Замечания И. Ф. Грека заставили автора продолжить публикацию своих материалов, подтверждающих сделанные ранее выводы. Дело в том, что не только антропомический анализ архивных материалов, но и изучение современного населения отдельных сел Кабардино-Балкарии и Северной Осетии–Алании (станции Екатериноградской, селений Н. Малгобек, Сухотское и др.), этнографические и фольклорные исследования гагаузских ученых С. С. Курогло, Л. С. Чимпоеш и др., проводимые в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии в 1980-х гг., пофамильный анализ хозяйственных книг сел за период 1940-х–2000-х гг., опросы (1989 и 2005 гг.) местного «болгарского» (ибо и в настоящее время значительная часть жителей, особенно старших возрастов, по-прежнему называют себя болгарами и числятся таковыми по документам) населения, беседы с местными жителями, со старожилами, еще помнящими родной гагаузский язык, и руководителями администраций этих районов дали автору богатейший материал и неоспоримые доказательства того, что и бывшие болгары-переселенцы и нынешние «болгары», являющиеся их прямыми потомками, в большинстве своем представляют гагаузское население.

Этнодемографическое исследование, проведенное в 1989 г. (совместно с С. С. Курогло) по анкете, разработанной автором статьи, среди **гагаузского** населения (можно не сомневаться, что такой высококвалифицированный этнолог, гагауз по национальности, каковым был С. С. Курогло, вряд ли перепутал бы носителей гагаузского и болгарского языков, хотя общаясь с ученым на гагаузском языке, сельчане называли его болгарским) сел Сухотское, Н. Малгобек Северной Осетии и станции Екатериноградской Кабардино-Балкарии, было нацелено, помимо прочего, на выяснение мест рождения респондентов и их родителей, а также территории, откуда они прибыли в данный населенный пункт. Всего в 3-х названных селах было опрошено 114 человек в возрасте от 16 лет и старше. Анализ этих материалов, проведенный в корреляции с возрастом респондентов, дал возможность подтвердить сделанные выше выводы.

Вспоминается случай, свидетелем которого стал автор при проведении интервьюирования гагаузов станицы Екатериноградской в 2005 г. В анкете, которую заполняли респонденты, был вопрос: «Человеком какой национальности Вы себя считаете?». Один из двух пожилых мужчин, заглядывая в анкету другого, спрашивает:

«Зачем ты написал «болгарин»? Нам же рассказывали, что мы — гагаузы». Думаю, что одним из таких «просветителей» для местного населения был Степан Курогло, проводивший исследования в станице Екатериноградской за 15 лет до проведения автором повторного опроса. Другой яркой фигурой гагаузского «возрождения» является Екатерина Пунаржи, уроженка с. Сухотское, кандидат исторических наук, оказавшая автору неоценимую помощь в изучении гагаузов означенных сел. Интересен факт, что Екатерина Пунаржи считает себя гагаузкой, а ее родной брат, экс-глава станицы Екатериноградской, Николай Великсаров, выросший в одной с ней семье, называет себя болгаринном.

Наиболее интересной, с точки зрения информации о местах выхода первых поселенцев-гагаузов, являлась группа респондентов (опрос 1989 года) старше 60 лет, т. е. тех, кто родился в 1920-е гг. и ранее. Рождение их родителей приходится на 1900-е гг. и более ранний период. Опрос пожилых гагаузов («болгар») села Сухотское показал, что их родители в большинстве своем были выходцами из гагаузских Вулканешт, Копчака, Этулии Бессарабской губернии, а также сел Котловина, Болбока Одесской области Украины. Единичные ответы свидетельствовали и о «приазовском» следе предков нынешних гагаузов, назвавших местами рождения своих родителей Мелитополь.

Пожилые гагаузы села Н. Малгобек местом рождения своих родителей назвали Вулканешты, Копчак, Болбоку, а также Семипалатинскую обл. Казахстана, Казахстан и Сибирь. Напомним, что жители этого села и их предки проживали прежде в х. Василенко, но в 1917–1918 гг. вынуждены были покинуть Северный Кавказ и переселиться «в Сибирь», в Казахстан, откуда в 1925–1926 гг. вернулись в Малую Кабарду (Субботина 2009: 386–402).

Пожилые гагаузы станицы Екатериноградской в своих ответах были близки гагаузам села Сухотское и Н. Малгобек, назвав местами рождения своих родителей Вулканешты, Копчак, Этулию, Чишмикию, Болбоку, Котловину, а также Семипалатинскую область Казахстана и Сибирь.

Места рождения самих респондентов-гагаузов, опрошенных в 1989 г., дали возможность определить, как формировался состав гагаузского населения названных сел в основном уже в советский период. Материалы опроса показали, что жители сел Сухотское и Н. Малгобек на 90–92% состоят из уроженцев своего или соседнего села, а 8–10% (наиболее пожилых респондентов) падают на долю тех, кто родился в гагаузской Этулии и Ставропольском крае (для Сухотского), и тех, кто родился в Семипалатинской области Казахстана, Сибири (для Н. Малгобека). Гагаузы станицы Екатериноградской лишь на две трети (67%) являются уроженцами своего села, еще 10% составляют те, кто родился в соседних Сухотском и Н. Малгобеке, а остальные 23% гагаузов местами своего рождения назвали Вулканешты, Котловину, Запорожье, а также Семипалатинскую область Казахстана.

Одним из вопросов нашей анкеты был вопрос о родном языке (2005 г.). Почти половина опрошенных гагаузов назвали родным языком гагаузский. Была определенная часть респондентов (10%), в особенности преклонного возраста, назвавших родным языком болгарский (и это те же гагаузы, которые определили свою национальную принадлежность как «болгарин»). Русский язык в качестве родного назвало свыше 40% респондентов, что обусловлено тем, что они родились и выросли в семьях гагаузов, использовавших русский язык в качестве основного (а иногда

единственного) языка общения, а также этническим окружением и длительностью проживания в нем. Признание гагаузского языка родным почти половиной опрошенных гагаузов слабо коррелировало со степенью его знания: каждый второй из них говорил на гагаузском языке с затруднениями или вообще не говорил на языке.

Как же складывалась динамика численности гагаузского и (отчасти) болгарского населения исследованных сел? По данным переписи населения 1926 г. по Кабардино-Балкарии, в хуторе Сухотский насчитывалось 43 двора (186 чел.) «болгар», в с. Н. Малгобек — 32 двора (176 чел.), в общей сложности 362 чел. (Поселенные итоги переписи 1926: 411–420). В докладе Мало-Кабардинского окружного исполнительного комитета КБАО за период с 1 января 1928 г. по 1 июля 1929 г. представлены сведения о народонаселении округа, из которых явствует, что численность «болгар» в названных селениях возросла к этому периоду до 409 человек (ЦГА КБР 2). На 01.07. 1931 г. в сведениях о национальном составе населения по округам КБАО находим численность «болгар» Мало-Кабардинского округа, равную уже 554 чел., при этом в х. Сухотском их насчитывалось 237 чел., в х. Василенко (Малгобек) — 306 чел., в пос. Терекский — 6 чел., в Раздольном — 5 человек (ЦГА КБР Р-151).

Война и послевоенные невзгоды и лишения, гибель части мужского населения на фронтах, повышенная смертность и снижение рождаемости в годы войны, миграции населения в другие села и города привели к тому, что, по сведениям Районной инспектуры Государственной статистики Прохладненского района КБАССР, на 01.01.1947 г., в сельской местности района проживало 319 «болгар» (ЦГА КБР Р-257). В Пролетарке численность болгар составляла 59 чел., в ст. Приближной — 3 чел., в ст. Екатериноградской — 167 чел. (ЦГА КБР 257). К 2010 г. в Сухотском проживало 25 «болгар» и 10 гагаузов, в Н. Малгобеке — 53 «болгарина» (ВПН 2010).

Станица Екатериноградская являлась одной из самых крупных станиц Терской области и даже непродолжительное время носила статус города, центра области. В середине XIX в. (1850 г.), по данным духовенства, в ст. Екатериноградской проживало только русское население — 2424 чел. В соседних станицах — Приближной, Пришибской и Солдатской — тоже жили русские (709, 1550 и 988 чел. соответственно). Станицу Прохладненскую населяли украинцы (2466 чел.) (Кабузан 1996: 183–186, табл. 54).

Поселенные данные переписи населения 1926 г. не дают нам представления о том, проживали ли в тот момент в ст. Екатериноградской «болгары». В материалах Госархива КБР за 01.01.1947 г. находим данные о численности болгар в ст. Екатериноградской — 167 чел. Материалы похозяйственных книг станицы дали автору возможность проследить динамику численности гагаузов и болгар на протяжении более чем полувека, начиная с 1940-х гг. Сплошная выборка из похозяйственных книг станицы за 1943–1944 гг. показала наличие 154 «болгар», живших в 21 однонациональной «болгарской» семье, все члены которых были записаны болгарскими (114 чел.) (см. Табл. 2). Это Дерменжи, Ириогло, 2 семьи Чавдарь, 2 семьи Касаджик, Братанов, Янышева, Ириоглов, Орманжи, Орлов, 2 семьи Кирчевых, Зебель, Гурев, Кулаксыз, Келяогло, Арабаджи, Анастасова, Гергешан.

Помимо этого, еще 40 «болгар» проживали в 9 этнически-смешанных семьях, будучи их главами, супругами глав семейств, зятьями, снохами, детьми. У них были зафиксированы следующие фамилии: Зебель, Мамонтова (бывш. Стоянова), Ануфриева, Дерменжи, Иванов, Михайлов, Орлов, Вельчев, Кичанов. В книгах

за 1958–1960 гг. среди однонациональных «болгарских» семей появляется еще 5 новых фамилий: Монастырло, Гаризан, Килиоглов, Москоглов, Текерлек.

Кроме того, отмечено появление 10 национально-смешанных семей с отдельными членами «болгарской» национальности (жены, мужья, снохи, зятья и пр.): Кулидобров, Чабанов, Ковлаков, 2 семьи Карапеевых, Кулаков, Федченко, Сергиенко, Кочетков, Дементьев. Появление у «болгар» русских и украинских фамилий было связано со вступлением в межэтнические браки, когда фамилия (а в последствии и национальность) мужа иной этнической принадлежности передавалась жене-«болгарке», а затем и детям.

Таблица 2

Численность «болгар» станицы Екатериноградской (1943–2001 гг.)

Годы	Однонациональные «болгарские» семьи		Национально-смешанные семьи с «болгарским» элементом		Всего «болгар»
	Число семей	Численность в них «болгар»	Число семей	Численность в них «болгар»	
1943–1944	21	114	9	40	154
1976–1978	31	81	75	133	214
1997–2001	24	54	70	120	174

В похозяйственных книгах за 1976–1978 гг. мы отмечаем появление еще 6 новых фамилий чисто «болгарских» семей — 2 семьи Великсаровых, 2 семьи Даловых, Кирилов, Григорьев, Каланжов, Радышев. Общая численность «болгар» в станице составила 214 чел., 81 из которых жили в 31 однонациональной семье, а 133 чел. — в национально-смешанных семьях (см. *Табл. 2*).

К 1997–2001 гг. список «болгарских» семей пополнился очень значительно. В нем появилось еще 32 новых фамилии: Дымов, Сорочан, Кайдбайлова, Тодоров, Анишко, Шиянова, Шатова, Пунаржи, Полукчу, Казанжи, Кукулер, Кирезлиев, Кононова, Зайченко, Ласкутинова, Дядов, Бондарь, Кивиогло, Лицинский, Федорова, Алентьева, Бузаджи, Катанжи, Федченко, Забунов, Бойко, Макущенко, Каланжева, Милова, Тотоева, Чернова, Ермилова. 24 семьи были однонациональными, общая численность которых составила 54 чел., 70 семей — национально-смешанные, численность «болгар» в которых составила 120 чел.

Таким образом, если в 1943–1944 г. почти 3/4 (74%) «болгар» жили в однонациональных семьях и лишь 26% — в национально-смешанных, то к 1997–2001 гг. картина браков поменялась кардинально: лишь 31% «болгар» жил в однонациональных семьях, а 69% — в этнически-смешанных.

Общая численность «болгар» в Екатериноградской к началу XXI века составляла 174 чел. (*Табл. 2*). По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в станице Екатериноградской проживало лишь 70 «болгар» (ВПН 2010).

Таким образом, мы наблюдаем здесь сложные этнодемографические процессы. С одной стороны, шло увеличение численности гагаузского населения станицы Екатериноградской, его «стягивания», концентрации как в станице, так и в целом в Прохладненском и Майском районах (населенных главным образом русскими). Этот рост численности шел как за счет естественного прироста, так и за счет миграции из других сел (главным образом, из с. Сухотское и с. Н. Малгобек), особенно ускорившейся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (что могло быть связано с усилив-

шимися в эти годы процессами этнической мобилизации у кабардинцев и осетин). С другой стороны, миграции более молодого поколения гагаузов в соседние города КБР (Прохладный, Майский), и другие города России (в т. ч. в Сибирь, Тюменскую и др. обл.), а также быстро идущие процессы смертности (ввиду «старой» возрастной структуры «болгарского» населения), ассимиляционные процессы, определяемые главным образом высокой долей этнически смешанных браков (в основном с русскими) и сменой фамилий и этнической идентичности у потомков от этих браков на русскую приводят к быстрому сокращению численности гагаузов в населении ст. Екатериноградской, с. Сухотского и с. Н. Малгобек.

Источники и материалы

- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: <http://rosstat.gov.ru>
- Гагаузско-русско-молдавский словарь 1973 — Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973. 664 с.
- ГАРСО 11 — Государственный архив Республики Северная Осетия. Фонд 11, оп. 7, ед. хр. 365, л. 3.
- Материалы по истории 1902 — Материалы по истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. Вып. 1. Отдел III. Темир-Хан Шура, 1902.
- НА РМ — Национальный архив Республики Молдова. Фонд 8, оп. 1, ед. хр. 2087, л. 122.
- Перепись 1897 Кубанская обл. — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кубанская обл. СПб. 1905. 284 с.
- Перепись 1897 Терская обл. — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская обл. СПб., 1905. 259 с.
- Поселенные итоги переписи 1926 — Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1929.
- Сборник статистических 1889 — Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Симферополь, 1889 г.
- Сергеев* 1912 — *Сергеев А. А.* Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 г. Симферополь, 1912. 46 с.
- Терский календарь 1900 — Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900.
- ЦГА КБР 2 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд 2, оп. 1, д. 26, л. 3 об.
- ЦГА КБР Р-2 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд Р-2, оп. 1, ед. хр. 501, л. 121.
- ЦГА КБР Р-6 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд Р-6, оп. 1, д. 241, л. 27.
- ЦГА КБР Р-151 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд Р-151, оп. 1, ед. хр. 305, лл. 42–43.
- ЦГА КБР Р-257 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд Р-257, ф. Р-257, оп. 1, ед. хр. 98, л. 244.
- ЦГА КБР 257 — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Фонд 257, оп. 1, д. 56, лл. 1, 6, 12.
- ЭТНО-КАВКАЗ — ЭТНО-КАВКАЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://ethno-kavkaz.narod.ru>

Научная литература

- Аманжолов А. С.* О гагаузах в Казахстане и их языке // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, Казанский государственный университет. 1964. С. 258–265.
- Ангели Ф.* Очерки истории гагаузов — потомков огузов (середина УШ — начало XXI вв.). Кишинев: Tipografia Centrala, 2007. 640 с.

- Анципов И. А.* Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII–XIX вв. Кишинев: Институт национальных меньшинств, 1996. 252 с.
- Бабич И. Л., Степанов В. В.* Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. 1860–1990-е годы. Москва: Институт этнологии и антропологии, 2009. 108 с.
- Бейтуганов С. Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик: «Эльбрус», 2007. 784 с.
- Белозеров В.* Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. 309 с.
- Бондарь Н. И.* Болгары Кубани: некоторые аспекты этнокультурной памяти // Славянский мир. Запад. Восток: память проф. Д. Г. Песчаного. Краснодар: Кубанькино, 2008. С. 70–85.
- Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX вв. М.: Наука, 1974. 276 с.
- Грек И. Ф.* Антропонимия жителей поселка Болгарский в Казахстане (к вопросу этногенеза гагаузов в Буджаке) // Русин. 2019. № 55. С. 317–352.
- Грек И. Ф.* Еще раз о жителях поселка Болгарский в Казахстане // Русин. 2020. № 62. С. 212–234.
- Губогло М. Н.* О религиозной (ли?) идентичности // Курсом изменяющейся Молдовы. М.: Старый сад, 2006. С. 206–231.
- Иванова Н. В.* О некоторых проблемах межнациональных отношений и взаимовлияния культур русского и автохтонного населения Кабардино-Балкарии в первой трети XX века // Respublica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2002. Вып. 3.
- Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. Этно-статистическое исследование. СПб: «Блиц», 1996. 220 с.
- Кашежева Г. М.* Некоторые вопросы переселенческого движения в Терскую обл. в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 58–74.
- Квилинкова Е. Н.* О принципе двойной самоидентификации гагаузов в прошлом и настоящем // Курсом изменяющейся Молдовы. М.: Старый сад, 2006. С. 264–283.
- Квилинкова Е. Н.* Формирование самосознания гагаузов // Гагаузы. М., 2011. С. 126–139.
- Кипкеева З. Б.* Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы ХУШ в. — 60-е годы XIX в.). Автореф. ...доктора ист. наук. Ставрополь, 2007.
- Киселев А. А.* Греки Кубанской области в конце XIX в. // Понтийские греки. Краснодар, 1997. Вып. 3. С. 73–80.
- Коков Дж. Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с.
- Коков Дж. Н.* Адыгские этнонимы. Нальчик, Эльбрус, 1979. 150 с.
- Кумыков Т. Х.* Земельная реформа в Кабарде в 1863–1869 гг. // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1957. Т. 12. С. 261–264.
- Максидов А. А.* Родословная Белгаровых // Zihia.narod.ru. б/г. [Электронный ресурс]. URL: <http://zihia.narod.ru/belgar.htm>
- Максимов Е.* Терское казачье войско // Терский сборник. Вып. 1, Владикавказ, 1890.
- Мамбетов Г. Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1971.
- Месяц С. И.* Население и землепользование Кабарды. Воронеж, 1928. 191 с.
- Салпагаров А.* Кабардинцы-тюрки в 1-й русской энциклопедии и других документах. 2018. URL: <https://a-salpagarov.blogspot.com/2018/12/kabardintsi-turki-v-entsiklopedii.html>
- Субботина И. А.* Гагаузы Северного Кавказа: об истории переселения и численности. Поиски и находки // Курсом изменяющейся Молдовы. М.: Старый сад, 2006. С. 232–245.
- Субботина И. А.* К истории появления гагаузов на Северном Кавказе // Курсом развивающейся Молдовы. М.: Старый сад, 2009. Т. 7. С. 386–402.
- Чимпоеш Л., Банкова Е., Арнаут Т. (сост.).* Гагаузы Приазовья // Гагаузы Украины. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2016. 232 с.
- Шабашов А. В.* Гагаузы. Одесса: Астропринт, 2002. 774 с.

References

- Amanzholov, A. S. 1964. O gagauzakh v Kazakhstane i ikh iazyke [About Gagauz People and their Language in Kazakhstan]. In: *Problemy tiurkologii i istorii vostokovedeniia* [Problems of Turkology and History of Eastern Studies]. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet. S. 258–265.
- Angeli, F. 2007. *Ocherki istorii gagauzov — potomkov oguzov (seredina VIII — nachalo XXI vv.)* [Analytical Review of the History of Gagauz People — the Descendants of Oghuz People] Kishinev: Tipografia Centrala.
- Antsupov, I. A. 1996. *Russkoe naselenie Bessarabii i Levoberezhnogo Podnestrov'ia v kontse XVIII–XIX vv.* [Russian Population of Bessarabia and the Dniester Left-bank Region at the end of the 18th–19th centuries] Kishinev: Institut natsional'nykh men'shinstv.
- Babich, I. L. and V. V. Stepanov. 2009. *Istoricheskaia dinamika etnicheskoi karty Kabardino-Balkarii. 1860–1990-e gody.* [Historical Dynamics of Kabardino-Balkaria Ethnic Map in 1860–1990 s]. Moscow: Institut etnologii i antropologii.
- Beituganov, S. N. 2007. *Kabarda: istoriia i familii.* [Kabarda: its History and Family Names] Nal'chik: El'brus.
- Belozerov, V. 2005. *Etnicheskaia karta Severnogo Kavkaza.* [Ethnic Map of the North Caucasus]. Moscow: OGI.
- Bondar', N. I. 2008. Bolgary Kubani: nekotorye aspekty etnokul'turnoi pamiatii [Bulgarians of Kuban: Some Aspects of Ethnocultural Memory]. In: *Slavianskii mir. Zapad. Vostok: pamiatii prof. D. G. Peschanogo* [The Slavic World. The West. The East. In Memory of Professor D. G. Peschanyi]. Krasnodar: Kuban'kino. S. 70–85.
- Chimpoesh, L., E. Bankova, and I. Arnaut (eds.) 2016. *Gagauzy Ukrainy. Vol. 2. Gagauzy Priazov'ia* [Gagauz Population of Ukraine. Vol. 2 Gagauz Population of the Azov Region] Kiev: Izdatel'skii dom Dmitriia Burago.
- Grek, I. F. 2019. Antroponimiia zhitelei poselka Bolgarskii v Kazakhstane (k voprosu etnogeneza gagauzov v Budzhake) [Anthroponymy of Bolgarskyi Town Population in Kazakhstan (to the Question of Gagauz Ethnogenesis in Budzhak)]. *Rusin.* 55: 317–352.
- Grek, I. F. 2020. Eshche raz o zhiteliakh poselka Bolgarskii v Kazakhstane [Once again about Bolgarskyi Town Population in Kazakhstan]. *Rusin.* 62: 212–234.
- Guboglo, M. N. 2006. O religioznoi (li?) identichnosti [On Religious (?) Identity]. In: *Kursom izmeniaiushcheisia Moldovy.* [The Course of Changing Moldova]. Moscow: Saryi sad. 206–231.
- Ivanova, N. V. 2002. O nekotorykh problemakh mezhnatsional'nykh otnoshenii i vzaimovliianiia kul'tur russkogo i avtokhtonnoho naseleniia Kabardino-Balkarii v pervoi treti XX veka [On Some Problems of Interethnic Relations and Intercultural Influences of Russian and Autochthonal Population of Kabardino-Balkaria in the First Third of the 20th century]. In: *Respublica. Al'manakh sotsial'no-politicheskikh i pravovykh issledovani.* [Republic. Anthology of Sociopolitical and Legal Studies] Nal'chik. Vol. 3.
- Kabuzan, V. M. 1996. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vv. Etnostatisticheskoe Issledovanie.* [Population of the North Caucasus in the 19th — 20th centuries. Ethnostatistical Study]. St. Petersburg: Blits'.
- Kashezheva, G. M. 1980. Nekotorye voprosy pereselencheskogo dvizheniia v Terskuu obl. v poreformennyi period [Some Questions of Migration Movement to Tersk Region in Post-reform Period]. In: *Iz istorii fedal'noi Kabardy i Balkarii.* [From the History of Feodal Kabarda and Balkaria]. Nal'chik. 58–74.
- Kipkeeva, Z. B. 2007. *Narody Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza: migratsii i rasselenie v period ikh vkhozheniia v sostav Rossiiskoi imperii (60-e gody XVIII v. — 60-e gody XIX v.).* [Population of the North-West and Central Caucasus: Migration and Settlement on their Entering the Russian Empire (60s of the 18th century — 60s of the 19th century)]. PhD diss. abstract, Stavropol'.

- Kiselev, A. A. 1997. Greki Kubanskoi oblasti v kontse XIX v. [Greek Population of Kuban Region at the end of the 19th century]. In: *Pontiiskie greki* [Pontic Greeks] Krasnodar. Vol. 3. 73–80.
- Kokov, Dzh. N. 1974. *Adygaskaia (cherkesskaia) toponimiia* [Adyg and Cherkess Toponymy]. Nal'chik: El'brus.
- Kokov, Dzh. N. 1979. *Adygskie etnonimy*. [Adyg Ethnonyms]. Nal'chik, El'brus.
- Kumykov, T. Kh. 1957. Zemel'naia reforma v Kabarde v 1863–1869 gg. [Land Reform in Kabarda in 1863–1869] In: *Uchenye zapiski Kabardinskogo Nauchno-issledovatel'skogo Instituta*. [Scientific Notes of the Kabarda Institute of Sciences]. Nal'chik. Vol. 12. 261–264.
- Kvilinkova, E. N. 2006. O printsipe dvoinei samoidentifikatsii gagauzov v proshlom i nastoiashchem [Principle of Double Self-identification of Gagauz people in the Past and Now]. In: *Kursom izmeniaiushcheisia Moldovy* [The Course of Changing Moldova]. Moscow: Staryi sad. 264–283.
- Kvilinkova, E. N. 2011. Formirovanie samosoznaniia gagauzov [Forming Gagauz Identity]. In: *Gagauzy* [The Gagauz] Moscow: Nauka. 126–139.
- Maksidov, A. A. Rodoslovnaja Belgarovih [The Belgarovs' family tree]. In Zihia.narod.ru URL: <http://zihia.narod.ru/belgar.htm>
- Maksimov, E. 1890. Terskoe kazach'e voisko [Tersk Kazak Army]. In: *Terskii sbornik* [Tersk collection]. Vol.1, Vladikavkaz.
- Mambetov, G. Kh. 1971. *Traditsionnaia kul'tura kabardintsev i balkartsev* [Traditional Culture of Kabarda and Balkaria Peoples]. Nal'chik.
- Mesiats, S. I. 1928. *Naselenie i zemlepol'zovanie Kabardy*. [Population and Land Use in Kabarda] Voronezh.
- Salpagarov, A. *Kabardintsy-tiurki v 1-i russkoi entsiklopedii i drugikh dokumentakh* [Kabarda-Turks in the First Russian Encyclopedia and other Documents. URL: <https://a-salpagarov.blogspot.com/2018/12/kabardintsi-turki-v-entsiklopedii.html>
- Sergeev, A. A. 1912. *Ukhod tavrisheskikh nogaitsev v Turtsiu v 1860 g.* [Migration of Tavria Nogay Population to Turkey in 1860] Simferopol'.
- Shabashov, A. V. 2002. *Gagauzy*. [The Gagauz] Odessa: Astroprint.
- Subbotina, I. A. 2006. Gagauzy Severnogo Kavkaza: ob istorii pereseleniia i chislennost'. Poiski i nakhodki [Gagauz People of the North Caucasus: on their History of Migration and their Number. Searches and Findings]. In: *Kursom izmeniaiushcheisia Moldovy*. [The Course of Changing Moldova]. Moscow: Staryi sad. 232–245.
- Subbotina, I. A. 2009. K istorii poiavleniia gagauzov na Severnom Kavkaze [To the History of Gagauz Appearance in the North Caucasus]. In: *Kursom razvivaiushcheisia Moldovy* [The Course of Developing Moldova] Moscow: Staryi sad. 386–402.
- Volkova, N. G. 1974. *Etnicheskii sostav naseleniia Severnogo Kavkaza v XVIII–nachale XX vv.* [Ethnic Composition of the North Caucasus Population in 18th — the beginning of 20th centuries]. Moscow: Nauka.